

Игорь Валерьевич Скрябин

*Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тульского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), кандидат исторических наук
E-mail: ig1012008@yandex.ru*

**Сельский сход как орган крестьянского
самоуправления во второй половине XIX века
(на примере Тульской губернии)**

Аннотация: актуальность проблемы правовых основ деятельности сельских сходов в пореформенное время обусловлена возрождением в современных российских условиях традиционных форм сельского самоуправления. Эта возрожденная форма сейчас уже имеет значительный авторитет и успех, но дальнейшая эффективность ее деятельности зависит от использования исторического опыта работы мирских сходов в прошлом России. Предметом исследования является сельский сход как орган самоуправления тульской пореформенной деревни. Цель статьи – анализ перемен и эволюции деревенских сходов, от периода крепостного права до периода развития капитализма в деревне. Методологию исследования составляют общенаучные методы познания: анализ, синтез, историзм, сравнение и ряд других. В статье проведен анализ фактического материала, на основе которого сделаны выводы о том, что сельский сход являлся традиционной формой крестьянского самоуправления. Здесь реально решались проблемы хозяйственной, административной и судебной жизни деревни. Порядок обсуждения и принятия решений на сходе давал возможность сохранить приоритет коллективного интереса над групповым и индивидуальным. В то же время в работе исследованы моменты, которые не исключают влияния на решения схода со стороны молодежи и зажиточной части села, а также представителей власти, как местной, так и государственной. Установлено, что далеко не безупречным было законодательство, на котором базировалось самоуправление на селе. Существенной новизной настоящей работы является сопоставление особенностей деятельности общинных сходов разных периодов до и после отмены крепостного права. Впервые детально проанализированы причины апатии крестьян к самоуправлению в конце XIX в.

В результате исследования автор пришел к выводу о необходимости изучения как позитивного, так и негативного опыта деятельности сельских сходов дореволюционной России. Материалы статьи будут интересны современным специалистам в области самоуправления.

Ключевые слова: крепостное право, крестьянская община, сельский сход, сельское самоуправление, структура управления, функции схода, правовая культура, менталитет крестьян.

Igor Valer'evich Skryabin

*Associate Professor of State and Law Disciplines Department of Tula Institute
(the brunch) of All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law
Academy) of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Juridical Science*

**Rural Gathering as the Body of Peasants
Self-Governing in the second half of XIX century
(on the example of Tula province)**

Annotation: *the relevance of the issues of legal foundations of rural gatherings' activity in post-reform period is caused by renewal of traditional forms of rural self governing in modern conditions. This renewed form has got weight and success nowadays but its further effectiveness depends on the use of historical experience of village-community gatherings in the Russian past. The object of the research is rural gathering as the element of legal culture in Tula post-reform village. The purpose of the present paper is to analyze changes and evolution of rural gatherings since the period of serfdom till the period of capitalism development in village. Methodology of the research consists of such general scientific methods of cognition as analysis, synthesis, historicism, comparison, and etc. Basing on analysis of actual materials the author concludes that rural gathering tends to be traditional form of peasant self governing. The purpose of the present paper is to analyze changes and evolution of rural gatherings since the period of serfdom till the period of capitalism development in village. Methodology of the research consists of such general scientific methods of cognition as analysis, synthesis, historicism, comparison, and etc. Basing on analysis of actual materials the author concludes that rural gathering tends to be traditional form of peasant self governing. Within such gatherings people solved problems of village economic, administrative and judicial life. The order of discussion and taking decisions at gatherings provided possibility to save priority of collective interest over the group and individual ones. At the same time, the paper examines moments that do not exclude the influence on the decisions of the gathering by young people and the well-off part of the village, as well as representatives of the authorities, both local and state. It has been established that the legislation on which self-government in the countryside was based was far from to be ideal. The essential novelty of this work consists of the comparison between peculiarities of the activities of community gatherings of different periods before and after the abolition of serfdom. For the very first time the reasons of peasants' apathy towards self-governing in the end of the XIX century are described and analyzed in details.*

As a result of the study, the author came to the conclusion that it is necessary to study both positive and negative experience of the activities of rural assemblies of pre-revolutionary Russia. Materials of the article can be interesting for modern experts in self-government sphere.

Keywords: *serfdom, peasant community, rural gathering, village self-governing, administration structure, gathering functions, legal culture, mentality of peasants.*

Реформа 1861 г. полностью перевернула судьбу русской деревни. Она затронула многие аспекты жизни крестьян, но одной из главных сторон ее стали преобразования в области управления сельским миром. На смену правовой культуре земледельцев крепостной общины пришла правовая культура крестьян свободной общины. Это проявилось не только в деятельности собственного сельского правосудия, в использовании обычного права в волостных судах, в применении гражданского права, но и, прежде всего, в изменениях организации мирского самоуправления. Однако перейти к независимому хозяйствованию освобожденным селянам было совсем не просто, мешало историческое прошлое, т. к. сельский мир в течение многих десятилетий фактически был отодвинут от управления деревней.

Известно, что в XVII—XVIII вв. крепостное крестьянство России поэтапно утрачивало какие бы то ни было гражданские права. Оно было подчинено юрисдикции помещиков, реализовывавших свою власть при тесном контакте

с чиновничеством. Помещик стал и полицейским, и судьей в пределах своего имени. Землевладелец в таких условиях стремился не только к более доходному ведению хозяйства, но и к систематическому укреплению своей власти над деревней. В вотчинах была создана администрация, в которую входили приказчики, старосты, десятские и другие назначенные баринoм лица. Под контролем находилась каждая семья, ее состав, количество имущества, размеры тягла и податей, а также передвижение крестьян, их покупки-продажи и выполнение царских указов. Обо всех нарушениях докладывалось помещику, после чего производился розыск, суд и наказания (кнуты, розги, ссылка в Сибирь).

Отметим, что захват феодалами общинной земли не означал ликвидации самого сельского мира, история которого насчитывала уже несколько веков. Община была отстранена от управления и полностью подчинена феодальной власти, потеряв многие свои права и функции. Над миром преобладал надзор самого барина или его приказчиков. Община стала дополнительным инструментом воздействия на односельчан, и все ее действия подчинялись интересам вотчины. Сход собирался только по указанию приказчика, который в первую очередь зачитывал крестьянам новые повеления барина.

Беспощадная эксплуатация, отсутствие прав и самоуправления доводили крестьян не только до разорения, но и до полного отчаяния. Они покорно обращались к своим господам, надеялись на их доброту, умоляли войти в их положение и уменьшить их оброки и повинности. Полное смирение выражалось в формуле: «Вот приедет барин — барин нас рассудит». Сопrotивления почти не было, некоторые крестьяне бежали от помещиков либо обращались с челобитными, но чаще всего у крестьян была затаенная злоба на господина. Такой была крепостная община и менталитет крепостных крестьян.

Правительственные чиновники, подготовившие реформу 1861 г., безусловно, не являлись творцами общинного управления. Мы убедились, что мирская организация в России насчитывала несколько веков существования.

Принятое 19.02.1861 «Общее положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости» (далее — «Общее положение») установило структуру и права общественного управления в деревне [1, т. 36, № 36657]. Основными органами самоуправления стали сельский сход и сельский староста. Община получила полномочия по своей воле и мнению выбирать сборщиков податей, смотрителей школ, училищ, больниц, различных сторожей, сельских писарей [2, с. 153]. Кроме того, согласно «Положению о земской полиции» 1837 г. крестьяне обязаны были из своего круга определять низших полицейских — сотских и десятских [1, т. 13, № 10305]. Таким образом, власть в селе стала принадлежать не феодалам, а коллективной организации — сходу крестьян и сельским старостам.

Жители деревни всегда с большим уважением относились к местной власти, но особенно это проявлялось в первые послереформенные десятилетия. Мир являлся священной, могучей, влиятельной силой, которая могла диктовать свою волю любому лицу в селении. Это была высшая духовно-нравственная инстанция, и ее постановления должны были всеми и всегда выполняться

бесспорно. Уважительное, трепетное, чрезвычайно благодарное отношение селян к системе самоуправления в деревне хорошо выразили сами крестьяне: «Мирское дело — дело великое. На сходку выходить надо Богу помолясь, да и стоять на ней, как в церкви» [3, с. 8–9].

По мнению правительства, в пореформенной русской деревне настоящим хозяином общинных земель, реальным организатором всех дел, распределителем налогов и распорядителем денежных средств, а в некоторых случаях — и судом должен был стать именно крестьянский сход — собрание домохозяев и назначенных по выбору сельских должностных лиц. «Общинники ведут свое хозяйство по общему плану, который устанавливается по большинству голосов на сходе и должен исполняться всеми, — указывал писатель П. П. Вениамин. — Сход решает — где будет луг, выгон, пашня, на сколько полей разделить общинную землю, какой именно хлеб и где сеять, когда начинать покос, сев, жатву и другие работы. Сход указывает, к какому сроку должна быть снята трава с луга и хлеб с поля» [4, с. 192].

По свидетельству современников, власть схода над каждым крестьянином, над его личностью и трудом далеко не ограничивалась земельным наделом, а проникала и в дом, и в семью, затрагивала все отношения, все стороны крестьянской жизни. Действительно, кроме указанных выше широких функций сход имел право воспрепятствовать или содействовать разделу крестьянского двора, запретить любому селянину подрабатывать на стороне, отказать крестьянину в получении паспорта на отлучку, лишит надела за недоимки, отказать в выдаче увольнительного свидетельства и тем самым закрыть дорогу к учебе и гражданской службе. У схода также было право наказывать провинившихся крестьян. Мирской сход организовывал починку дорог и плотин, огораживание, рытье и чистку колодцев, приглашение пастухов и сторожей. Его делом были семейные разделы, назначение опекунов, мелкие преступления, ссоры между соседями. Обязанностью схода являлись и сборы денег на общие расходы селян. Совместно крестьяне решали дела о принятии новых членов, вводили репрессивные меры против неплательщиков налогов, накладывали различные запреты, организовывали помощь односельчанам (вывезти дрова, покрыть крыши соломой). Крестьянское самоуправление имело и судебные полномочия. Мир мог рассматривать дела по земельным спорам и семейным разделам, дела о драках и кражах, а также о разделах наследства. Сельскому самоуправлению жители доверяли, считали, что здесь будут объективно учтены и разобраны все детали происшествий. А главное, что здесь рассудят по справедливости, потому что все друг друга знали с детства. Мир учитывал трудолюбие, хозяйственность, налогоплательственность, как виновного, так и потерпевшего, и только потом принимал во внимание суть и мотивы нарушения.

Сход стремился помирить враждующие стороны, а при выявлении виноватой стороны принуждал нарушителя встать на колени и попросить прощение у обиженного. Даже когда нарушитель полностью признавался, не всегда выносилось наказание, т. к. начинала действовать своеобразная правовая

культура общины, стремящаяся сохранить внутреннее спокойствие, помирить стороны и устроить так, чтобы никому не было обидно. Общинные установки судить по личности и «ответственность пополам» не имели под собой законных оснований, но широко использовались в практике крестьянских сходов.

Опираясь на неписаное обычное право, на сходах в определении правонарушений интересы общины получили явный приоритет над интересами отдельной личности. В правовой культуре русского крестьянства этого периода было типичным преобладание моральных подходов в оценке нарушений. В обычном праве не было норм, которые защищали интересы отдельной личности. В каждом конкретном случае мирской сход выбирал такой путь решения спорной ситуации, который для него являлся наиболее целесообразным, что выражалось в привлечении к ответственности «смотря по человеку». Этим своеобразием правовой культуры, а именно вынесением приговора на основе общинной целесообразности мирское собрание спасало себя от возникновения непредвиденных обстоятельств в будущем. Именно поэтому сход мог отказать в разделе большой семьи и в отходе крестьян на промыслы, поскольку это могло отразиться на уплате податей; не дать разрешение на открытие трактира, т. к. могло спиться все село; отказать в покупке угодий богатому крестьянину, потому что могло не хватить остальным и т. д.

Сельские сходы в зимний период обычно проводились в специально отведенной избе, которую арендовал мир. В летние месяцы сход собирался около дома старосты или на деревенской площади. Из Одоевского уезда Тульской губерний сообщали: «Сходы в селе Анастасьево проходят летом — около церкви, а зимой в церковной сторожке» [5, л. 17].

На человека из города, впервые присутствующего на сходе, свободное и независимое поведение его участников производило впечатление случайно собравшейся толпы. Сами же крестьяне отлично ориентировались в шуме и гаме и даже не могли представить себе, что вопросы управления можно решать без криков. Писатель Н. Златовратский, не раз присутствовавший на деревенских сходах, с восхищением отмечал, что там всегда царила обстановка откровения, искренности, прямолинейности, правдивости [6, с. 10].

Сельский сход состоял из таких домохозяев, которые имели землю. Именно на них были возложены платежи и повинности за землю. Безземельные крестьяне, а также селяне, выкупившие свои наделы, либо совсем исключались из участия в сходе, либо получали право голоса только по делам, не касающимся вопроса землевладения. Кроме того, общинники, оказавшиеся под следствием или судом за серьезные правонарушения, были лишены права участвовать в деятельности схода, но приходиться на собрания они могли.

Свое участие в работе схода крестьяне представляли не только как право, но и как важную обязанность. Общинники ясно понимали, что именно от их активности на собрании зависит решение самых существенных вопросов в жизни мира, поэтому первые три десятилетия после реформы 1861 г. они проявляли активность, интерес и не уклонялись от его посещения. Однако уже в 1890-е гг. появились первые критические отзывы о крестьянском

самоуправлении. Члены комиссии во главе с министром П. А. Валуевым, изучавшие волостные суды, установили много недостатков в работе сходов, а именно: наличие неправильных и несправедливых приговоров. Они отмечали равнодушное отношение крестьян к делам мира, указывали на апатию крестьян, их нежелание участвовать в сходах, на принудительный характер сбора домохозяев. Свое участие в собраниях крестьяне теперь считали повинностью, но не правом. Появились выражения «сбивать сход», «сгонять на сход» [7, с. 18]. Новое отношение крестьян к сходу проявлялось и во внешнем виде домохозяев — участников собрания. Если раньше обычно приходили в лучших одеждах, то теперь «все шли, нисколько не переодеваясь, а как были, в чем крестьян застал староста, оповещающий о сходке», — сообщали из Тульской губернии» [5, л. 17].

Какова же причина произошедшей метаморфозы? Откуда у общинников появилась апатия к общественной жизни, недоверие к решению схода? Тому имеется несколько причин. Первая причина — это усиление контроля за работой сельских собраний со стороны начальства. С введением в 1887 г. института земских начальников резко усилился государственный надзор за сельским самоуправлением, что и привело к сдерживанию активности сходов. Из Тульской губернии сообщали, что «большинство земских начальников получает на просмотр все приговоры об учетах должностных лиц, все приговоры семейных разделов, а некоторые... требуют для просмотра даже все приговоры сельских и волостных сходов» [8, с. 60].

По сравнению с мирскими сходами первых пореформенных десятилетий, где основой являлись пожилые крестьяне, сельские сходы с конца 1890-х гг. сильно помолодели, т. к. кризис больших семей община сдержать не смогла, и теперь на сходах численно преобладали крестьяне средних лет, выделившие свое хозяйство из родительской семьи. Молодежь судьба общинных дел сильно не волновала, они больше думали о развитии собственного хозяйства. Поменялось и отношение к участию женщин в работе схода. В уездах с отхожим промыслом ушедших мужчин стали заменять их жены, которых интересовали заботы своей семьи, а не проблемы сельского мира.

К этому времени изменилась общественная роль старосты деревни. В первое пореформенное время они были достаточно самостоятельны и не испытывали давления чиновников. Это были «свои простые мужики», которые на общественных началах исполняли роль старост. С введением оплаты за работу им были переданы полицейские функции. Старост начали не выбирать, а подбирать по указанию сверху.

С развитием капитализма в деревне появились группы зажиточных селян, которые активно и инициативно участвовали в сельском самоуправлении, но при этом преследовали в основном личные, нередко корыстные цели.

Пассивности и безразличию общинников способствовала также водка, которую использовали на сходе. Чтобы «пробить» нужный приговор для себя, некоторые селяне на сходе ставили ведро водки, и пьяный сход мог узаконить любое выгодное им предложение. И наконец, обычным делом в работе схода

стал подлог. Часто из-за отсутствия голосов ушедших на заработки крестьян староста и его помощники подписывали документы схода за отсутствующих собственноручно. Все перечисленное и привело к снижению активности крестьян, к уклонению их от участия в собраниях. Не было резона идти на сходку, если все важнейшие вопросы решались без их голоса.

Таким образом, местное сельское самоуправление играло важную роль в дореволюционной истории российского общества. Значительные достижения в этом деле были у свободной крестьянской общины пореформенного времени. Сельский сход был инструментом социального сотрудничества, реальным распорядителем власти. Однако после 1917 г. в рамках сверхцентрализованной системы управления страной были утрачены сложившиеся к концу XIX в. традиции и наработки самобытной русской системы местного управления на селе. Только спустя три четверти века самоуправленческие традиции наших предков обрели способность к возрождению. Причиной этого стал поиск новой российской государственности, включающей в себя в качестве неотъемлемой части систему местного самоуправления.

Вопреки рассуждениям в 90-х гг. XX в. российских и особенно зарубежных юристов и политологов, которые предрекали нашей стране сугубо западные варианты демократического развития, мы видим, что к началу XXI в. достигнуты определенные успехи в развитии исторически сложившихся форм отечественного самоуправления. Вновь были возрождены сельские сходы, которые получили правовую базу и быстро стали влиятельным органом самоуправления. Однако дальнейшее совершенствование управления на селе будет идти эффективнее при условии учета исторического опыта деятельности крестьянских сходов XIX в., причем как позитивного, так и негативного.

Пристатейный библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. 12.12.1825 – 28.02.1881. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1885.

2. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам / сост. и изд. И. Л. Горемыкин. Т. 1.4.1. СПб. : Типография Д. В. Чичинадзе, 1898.

3. Крестьянские работы и деревенская жизнь по месяцам года. М. : Деревен. хоз-во и крестьян. жизнь, 1908.

4. *Вениаминов П. П.* Крестьянская община. СПб. : Трудовой союз, 1908.

5. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 586. Оп. 1. Д. 122.

6. *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни. Очерки крестьянской общины. М., 1891.

7. Совещание господ земских начальников Тульской губернии, 16 сентября 1901 года. Тула : Тип. Губернского правления, 1902.

8. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. Т. 43 : Тульская губерния. СПб. : Тип. «Нар. польза», 1903.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobr. vtoroe. 12.12.1825 – 28.02.1881. SPb. : Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kancelyarii [The complete collection of the laws of the Russian Empire. Collected the second. December 12, 1825 – February 28, 1881 SPb. : Typography of II Departments of His Own Imperial Majesty's Office.].

2. Svod uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva ob ustrojstve sel'skogo sostoyaniya i uchrezhdenij po krest'yanskim delam [The code of laws and orders of the government on the structure of the rural state and institutions for peasant affairs] / sost. i izd. I. L. Goremykin. T. 1.4.1. SPb. : Tipografiya D. V. CHichinadze, 1898.

3. Krest'yanskije raboty i derevenskaya zhizn' po mesyacam goda [Order of peasant work and village life according to months of the year]. M. : Dereven. hoz-vo i krest'yan. zhizn', 1908.

4. *Veniaminov P. P.* Krest'yanskaya obshchina [Peasant community]. SPb. : Trudovoj soyuz, 1908.

5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [The State Archive of the Russian Federation]. F. 586. Op. 1. D. 122.

6. *Zlatovratskij N. N.* Derevenskie budni. Oчерki krest'yanskoj obshchiny [Country weekdays. Sketches of the peasant community]. M., 1891.

7. Soveshchanie gospod zemskih nachal'nikov Tul'skoj gubernii, 16 sentyabrya 1901 goda [Meeting of lords district heads of the Tula province, September 16, 1901]. Tula : Tip. Gubernskogo pravleniya, 1902.

8. Trudy mestnyh komitetov o nuzhdah sel'skohozyajstvennoj promyshlennosti : v 58 t. T. 43 : Tul'skaya guberniya [Papers of local committees on the needs of the agricultural industry: in 58 tons. T. 43: Tula Province]. SPb. : Tip. «Nar. pol'za», 1903.